

Северо-Восточная Русь в середине XIII — второй половине XIV в.: археологические данные

Леонид Беляев

North-Eastern Rus' in the mid 13th — second half of the 14th century
as revealed by archaeology

Leonid Belyaev

(Institute of Archaeology, Russian Academy of Science, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010769-6

Древности «предмосковского» и раннемосковского периода долго оставались малоизученными в сравнении с домонгольской Русью. Это связано не только с отсутствием внимания археологов к эпохе Московского княжества, но и с тем, что памятники 1240—1380-х гг. не так многочисленны и хуже датированы, при анализе их материал как бы притягивают более крупные массивы предшествующих и последующих слоёв, да они и не столь эффектны. Кроме того, выстроить археологическую хронологию в узком коридоре полутора столетий — трудная задача. Всё же расширение количества работ и их площадей, сочетание традиционных и естественнонаучных методик увеличивают точность датирования, позволяя выделять слои и комплексы второй половины XIII — конца XIV в. и даже градуировать этот интервал.

Поскольку речь идёт об области археологии, которая тесно связана с историческим нарративом, общая картина воспринимается как априорно известная, но нуждающаяся в дополнительной проверке и уточнении деталей. Археологи учитывают событийную канву — то, что в основе трансформаций XIII—XIV столетий лежали: фундаментальные перемены в Восточном Средиземноморье (завершение Крестовых походов и разгром Константинополя в 1204 г.); замедление экономического развития Руси в силу внутренних причин; шок от нашествия 1237—1240 гг., преодоление его последствий и адаптация к сложившейся реальности.

Следует учитывать также, что включение Северо-Востока Руси в орбиту империи монголов исказило привычные линии контактов с Европой, в которых особую роль обрели связи с греческими и итальянскими городами Крыма, а на севере — старые контакты Великого Новгорода и Пскова с Ганзой. Нужно помнить и о том, что в недрах долгой переходной эпохи, восходящей к середине XII в., уже складывались новые городские политические центры, менялись стратегии сельского расселения и само аграрное производство¹.

© 2020 г. Л.А. Беляев

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многолетнего академического труда «История России с древнейших времён до наших дней». Публикуется в целях апробации.

¹ Этапным в осмыслении археологии ордынского периода стал сборник: Русь в XIII веке. Древности тёмного времени. М., 2003. Базовый материал по освоению региона Московского кня-

Важными темами оставались наличие/отсутствие порога, связанного с монгольским нашествием, и оценка его более далеких последствий. Впрочем, качественные различия в материальной культуре Древней Руси эпохи расцвета и её состояния после нашествия для археолога очевидны. Предметный мир существенно менялся: к концу XIV в. из обихода навсегда ушли привычные вещи, служившие культурно-социальными маркерами (изделия из шифера, стеклянные браслеты); из сферы престижного потребления исчез парадный женский убор (широко представленный вкладах с XI до первой половины XIII в.). Параллельно пропадали связанные с их производством ремёсла, искажались каналы поставки привычного сырья и вещевого импорт. Наглядны перемены в культурном ландшафте: к середине XIII в. Русь окончательно отказалась от курганных погребений, а население освоило ранее не использовавшиеся для хозяйства территории. Конечно, эти перемены имели эволюционный характер и начались задолго до монгольского нашествия. Но картина военно-политической катастрофы и её последствий для русских городов рисуется всё более убедительно, не позволяя преуменьшить ущерб или интерпретировать последствия разгрома как стимул к развитию. Наоборот, эпизоды гибели княжеских столиц и крепостей Руси рисуются всё чётче и драматичнее.

В Южной Руси следы нашествия давно известны: массовые захоронения и останки погибших в тайнике под Десятинной церковью, на усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря и Житомирской улице в Киеве, в Чернигове, на Райковецком и Шепетовском (Изяславль?) городищах². Но слои пожарищ с человеческими скелетами всё чаще открывают и на Северо-Востоке, где яркие свидетельства разгрома связаны со старшими (Владимир-на-Клязьме, Ярославль, Торжок) и молодыми (Москва, Тверь) городами, а особенно — с малыми (Серенск, Ярополч Залесский)³. Во Владимире пожар 1238 г. уничтожил богатую усадьбу в Ветчаном городе, где в подполье постройки найден клад церковных художественных изделий и костяк погибшей женщины⁴. Слой пожара в Торжке достигает полуметра, содержит человеческие кости и спекшиеся от огня остатки икон⁵. В Ярославле подтверждена гибель города зимой 1238 г. и ожесточённый характер сражения, уточнён момент совершения санитарных погребений

жества см.: Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. Т. 1—3. М., 2004—2006; *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск, 2019.

² *Ивакин Г.Ю.* Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие // Русь в XIII веке... С. 59—65; *Ивакин Г.Ю.* Историчний розвиток Київa XIII — середини XVI ст. Київ, 1996; *Коваленко В.П.* Чернигов в середине XIII в. // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997. С. 147—155; *Пескова А. А.* Древний Изяславль // Краткие сообщения Института археологии (далее — КСИА). Вып. 164. М., 1981. С. 66—72.

³ *Седова М.В.* Ярополч Залесский. М., 1978.

⁴ *Жарнов Ю.Э.* Усадьба первой трети XIII века «Ветчаного города» Владимира-на-Клязьме // Труды VI международного конгресса... Т. 2. С. 82—93; *Жарнов Ю.Э.* Художественное медное литьё из раскопок во Владимире-на-Клязьме // Российская археология. 2000. № 1. С. 183—193; *Жарнов Ю.Э.* Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке... С. 48—58.

⁵ *Мальгин П.Д.* Раскопки на Нижнем городище в Торжке // КСИА. Вып. 179. М., 1984. С. 76—84; *Мальгин П.Д.* Судьбы Торжка и Твери в XIII веке // Русь в XIII веке... С. 92—96; *Лапшин В.А.* Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.). СПб., 2009.

(весна), а также обнаружено нетипичное для Руси оружие Востока (клинок из цельнолитой стали)⁶.

Выпадение кладов драгоценностей и предметов высокого художественного уровня при нашествии Бату-хана обрело системный характер. Клады последней трети XII — первой половины XIII в. самые многочисленные, они обнаружены в слоях Московского Кремля (в 1988 и 1991 гг.) и в Твери. Среди них известны невостребованные запасы товаров и/или заготовок для ремесленной работы (40 кг янтаря во Владимире; полуфабрикаты и инструменты из запасов ювелира в Старой Рязани, где по-прежнему регулярно открывают сгоревшие усадьбы с кладами ювелирных украшений и братские могилы)⁷. Разумеется, тотальная идентификация разгрома древнерусских укрепленных поселений именно с Батыевым нашествием была бы ошибкой, но и отрицать его особое значение невозможно.

Итак, прямые археологические свидетельства не позволяют отказаться от привычной мысли: именно монгольское вторжение нарушило традиционные культурные формы и оборвало естественные линии развития⁸. Значительная часть городов (особенно малых) погибла навсегда, многие десятки крепостей прекратили существование. Если в эпоху «около 1200» они быстро росли, обстраивая стенами новые обширные зоны, то после 1237—1240 гг. освоенная территория сократилась. Некоторые в конце концов захирели (Старая Рязань). Другие на столетия впали в анабиоз, получив новый стимул для развития только в XVI—XVII вв. Нижнее городище Торжка на полвека фактически осталось без укреплений (стену из срубов сменил частокол), его улицы перестали мостить деревом. Во Владимире остановился рост городской территории, возобновившись лишь в конце XV в., а уже освоенные участки богатых усадеб внутри крепостей со второй половины XII в. опустели. Эти признаки кризиса отмечаются и в городах, не переживших вторжения (Псков, Новгород)⁹, причём это верно и для старых столиц Северо-Восточной Руси, избежавших разгрома. В Ростове Великом, площадь которого до нашествия составляла около 200 га и быстро прирастала, часть уже обжитых участков забросили, а слой потерял и насыщенность, и толщину¹⁰. Начался упадок мощного Белоозера: его Старый город в XIV в. прекратил существование, видимо, в силу кризиса промысловой экономики на Севере и разрыва сети торгово-промысловых поселений, опиравшихся на добычу и вывоз пушнины¹¹.

⁶ *Энговатова А.В.* Древний Ярославль. М.; Ярославль, 2009.

⁷ *Авдусина Т.Д., Панова Т.Д.* О находке клада на территории Московского Кремля // Советская археология. 1989. № 4. С. 272—274; *Авдусина Т.Д., Панова Т.Д.* О находке клада 1991 г. в Московском Кремле // Российская археология. 1993. № 2. С. 192—193; *Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю.* Клад № 17 из Старой Рязани // Российская археология. 2014. № 2. С. 153—163; *Чернецов А.В., Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю.* Инструментарий древнерусского ювелира (новые находки в Старой Рязани) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 143—151; *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 64—77; Старая Рязань. Клад 2005 года. СПб.; М., 2014.

⁸ *Макаров Н.А.* Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке... С. 5—11.

⁹ *Лабутина И.К., Кулакова М.М.* Псков в XIII веке (археологические наблюдения по динамике расселения и строительства) // Русь в XIII веке... С. 66—82.

¹⁰ *Леонтьев А.Е.* От столицы княжества к уездному городу (материалы к исторической топографии Ростова X—XIV вв.) // Русь в XIII веке... С. 46.

¹¹ *Захаров С.Д.* Белоозеро и Белоозерск // *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.Н.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2000.

Однако археология рисует и обратное движение. Ряд пограничных городов Владимиро-Суздальской земли (Тверь, Москва) быстро оправились, о чём говорит особая активность в накоплении культурного слоя XIII—XIV вв. Во второй половине XIII в. расширился посад Москвы, сформировав зоны застройки в Занеглименье и будущем Китай-городе (Зарядье, улицы Варварка и Ильинка, районы Богоявленского монастыря и церкви Троицы в Полях). Коломна, пережив после нашествия упадок, была восстановлена уже к концу XIII в.¹² То же можно сказать о Твери¹³. Связанные с Москвой города-крепости (Коломна, Серпухов, Звенигород) оформились в княжеские столицы. Серенск, опираясь на снабжение округи металлическими украшениями, восстановил часть ремесленного потенциала. В Рязанском княжестве уцелели от разгрома и продолжили развитие Переяславль и Ростиславль. Судя по нижним слоям городов, именно в XIII в. появились Вологда, Великий Устюг, Нижний Новгород, Радонеж и другие.

Важнейшая черта переходной эпохи XIII—XIV вв. — новый обжитой ландшафт, определённый продвижением аграрных поселений на водоразделы и активной расчисткой для них лесов. В центре и на севере Руси освоили зоны, ранее в сельскохозяйственный оборот не включённые. При этом прежние поселения не исчезали, иногда сменив место. Основная форма таких сельских поселений — малодворная деревня, двинувшаяся к водоразделам ещё в домонгольское время¹⁴. Локация старых крупных сёл в освоенном ранее пространстве осталась неизменной (хотя их площадки часто не имеют культурного слоя второй половины XIII — XIV в.). В Суздальском Ополе сохранялась прежняя система крупных сёл, покрывающих регион. Но для сельских территорий второй половины XIII в. характерны преобразование локальных групп поселений, изменение местоположения деревень, освоение урочищ и ландшафтных районов иных типов, переход к дисперсному расселению.

Археология показывает, что в XIII—XIV вв., хотя доля аграрной составляющей в древнерусской экономике росла, из сельского быта исчезла значительная часть привозных предметов, металлических украшений костюма, вообще знаков социального престижа. Ассортимент изделий из дорогих материалов (прежде всего цветного металла) сократился, самих предметов стало существенно меньше, а сырьё на них расходовали экономнее. Трудно установить связь столь фундаментальных перемен в хозяйстве с синхронными им политическими, даже крупного масштаба, событиями. С.З. Чернов, сравнив на микрорегиональном

---

¹² Мазуров А.Б. Эволюция Коломны в XIII—XIV веках: от малого города Древней Руси к домену великого князя московского // Русь в XIII веке... С. 83—91.

¹³ Баталов А.Л., Беляев Л.А. Зодчество Москвы и Твери второй половины XIII — первой половины XIV века // История русского искусства. Т. 4. Искусство второй половины XIII — середины XIV века. М., 2019. С. 159—207; Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н. Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012—2014 гг. // Российская археология. 2018. № 2. С. 148—160.

¹⁴ Появление слова «деревня» (впервые — в духовной грамоте Ивана Калиты (*Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965. С. 105; ср. толкование как волостного топонима, Деревня: Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 72—73)) связывают с распространением малодворного земледельческого хозяйства на лесных расчистках (*Шполянский С.В.* Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишино в Подмоскowie // Русь в XIII веке... С. 253—264).

уровне три варианта судьбы поселений в XIII в. на реках Воре и Пехорке (окончательно заброшенных; переживших это столетие; образованных заново), отнёс их запустение на счёт нашествия 1238 г.¹⁵ Н.А. Кренке видит за изменениями XIII в. в сельской зоне Москвы новую стратегию расселения: колонизацию водоразделов при опоре на новые формы водоснабжения¹⁶. Монгольский удар и, позднее, набеги привели к разрыву в заселении южных районов (Верхний Дон, Куликово поле, р. Быстрая Сосна)¹⁷. Но принципиальный характер перемен в жизни сельских территорий, а также аналогичные процессы там, где монголов не было, на севере (Псковская земля, юго-запад Новгородской земли — Жабенская волость; Помостье; р. Шексна, озера Белое и Кубенское) указывают на действие внутренних механизмов, вызвавших в XIII в. коренное изменение сельского ландшафта, всего облика лесной полосы Восточной Европы. Сельскохозяйственные угодья выросли, сельские поселения (и, видимо, сельское население) умножились. Изменились стереотипы в выборе земель, устройстве поселения и организации хозяйства, являющиеся самыми консервативными элементами хозяйственной практики и культурной традиции.

Изменить стратегию расселения и землепользования можно было лишь под давлением серьёзных обстоятельств, а распространение инноваций в этих сферах несло в себе риск. Возможно, сказался недостаток пахотных земель в местах традиционного освоения, рост потребности в пищевых ресурсах при росте населения, неэффективность традиционных систем землепользования. Возможно, перемены в расселении вызвало существенное похолодание и увлажнение, нараставшие с первых десятилетий XIII в. и достигшие аномальных значений в 1220—1230-х и 1270—1280-х гг.¹⁸, в силу чего со второй половины XIII в. мог начаться дефицит пищевых ресурсов (в Пскове во второй половине XIII — XIV в. значительно расширили обловные площади и начали брать мелкую низкосортную рыбу)¹⁹.

Запустение поселений на прибрежных террасах пытались связать с изменением уровня воды в реках и озерах, подтоплением приречных поселений и их сельскохозяйственных угодий в ходе катастрофической трансгрессии XIII в.²⁰ На севере (Шексна, Малая Северная Двина, Сухона, Поонежье) новые поселения XIII в. возникали и на низких террасах, но на Кубенском озере избыточная увлажнённость первых надпойменных террас и опасность вымерзания здесь посевов могли заставить подняться на расположенные выше, удалённые от воды участки. Наконец, могла сказаться длительная интенсивная эксплуатация

---

¹⁵ Чернов С.З. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: «традиционные» и «новационные» модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследований 1976—1993 гг. волостей Воря и Пехорка) // Русь в XIII веке... С. 219—220.

¹⁶ Кренке Н.А. Ближайшая сельская округа Москвы в XII—XIII веках // Русь в XIII веке... С. 166; Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки...

¹⁷ Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977.

¹⁸ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI—XVII веков. Л., 1983; Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. М., 1996. С. 83—89.

¹⁹ Салмина Е.В. Рыболовство средневекового Пскова и Псковской земли (VIII—XVI вв.) по данным археологии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков, 1997.

²⁰ Олейников О.М. Климат в районе Верхней Волги в Средние века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 6. Новгород, 1992. С. 69—82; Дворников А.С. Бежецкий Верх: взаимодействие экосистемы «человек-окружающая среда» в эпоху Средневековья // Труды VI международного конгресса... Т. 4. М., 1998. С. 78—84.

старых полей, истощение почв, недостаток строительной древесины, снижение популяций лесной фауны.

Всё же в целом сельское хозяйство (инвентарь, система пахоты, сорта культур) существенно не изменилось, показав устойчивость и продолжив традицию. Это верно и в отношении ремесла в городе и деревне. При этом ремесло XIII—XIV вв. предстаёт, особенно в сравнении с европейской моделью, как бы «подмороженным». Например, искусно воспроизводятся ранее усвоенные технологические модели в такой базовой области, как производство металла (железо, сталь) и металлообработка. Металлографический анализ продукции XIII—XIV вв. не показал никаких маркеров падения кузнечного дела ни в крупнейших городах (Москва, Тверь, Торжок, Новгород, Псков), их «пригородах» (Коломна, Звенигород Московский, Серенск, Изборск, Ростиславль Рязанский) или на селищах (два подмосковных Мякининских, Настасьино, поселения в районе Куликова поля)²¹. В Древней Руси поиск рациональной технологической схемы сварки привёл к переходу от трёхслойного пакета и вварки к разным видам наварки (торцовой, косой, V-образной), к XIII в. в производстве качественных изделий победила наварная технология. Ею владели городские мастера высокой квалификации, хорошо знавшие свойства разных сортов металла, умевшие визуально выбирать оптимальные температурные режимы для качественной сварки и соблюдать требования к таким операциям, как применение флюсов и длительностиковки.

Эти технологии сохранялись по всей Руси в ордынскую эпоху независимо от того, были конкретные производственные центры затронуты при вторжении или нет. Если часть ремесленников увезли в кочевые ставки-города (свидетельства чему есть в археологических материалах Каракорума и Хирхира)²², то другие остались на местах, продолжив традицию. Но прогресс в технологиях чёрной металлургии и металлообработки на Руси замер. В то время как на Западе начался переход к доменному производству, передельному процессу, широкому внедрению механизмов с водяным приводом, в России вплоть до XVII в. железо получали старым сыродутным способом, широко используя технику наварки железа сталью (особенно при производстве ножей).

В области бытового и престижного потребления XIII—XIV вв. переход домонгольской традиции в новую реальность совершался без резких скачков. Но изменения, пусть медленные, здесь заметнее, чем в производстве. Во многом это связано с межкультурными контактами. Это хорошо демонстрирует, например, кожевенное дело и сапожное ремесло. С середины XII до конца XIII в. в Москве (в городе и на посаде) сапожные мастерские, используя тонкую кожу крупного и мелкого рогатого скота (молодых особей), шили в основном низкую обувь, а также мягкие (без внутренней подкладки) туфли, поршни и сапоги (в Новгороде сапоги явно преобладали)²³. Постепенно близость мастерских и рынков Золотой Орды привнесла восточные технологии в обработку сырья,

---

²¹ *Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М., 2007; *Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012; *Завьялов В.И., Терехова Н.Н.* Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М., 2013.

²² *Терехова Н.Н.* Железообработка в древнемонгольских городах // Советская археология. 1985. № 3. С. 72—79.

²³ *Изюмова С.А.* К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 65. М., 1959. С. 214.

методы раскроя и сборки обуви. Сменились и формы: распространились сапоги «жёсткой конструкции», которые с начала XIV в. доминировали как обувь взрослых и детей; в языке появилось много восточных терминов, связанных с сортами кожи, формами обуви, её отделкой²⁴.

Похожим образом развивались другие производства: объяснимое падение платёжеспособного спроса в середине XIII в. вело к оживлению домашнего, неспециализированного ремесла, но в XIV в. ситуация выровнялась, в том числе за счёт контактов с восточными мастерами и распространения ориентальной моды. В гончарном ремесле сначала снижалось качество, но в XIV в., особенно с его середины, оно получило новый стимул в связях с индустрией Волжской Булгарии и, возможно, в появлении на Руси мастеров из Крыма и Нижнего Поволжья (вторая половина — конец XIV в.). Одновременно можно наблюдать перемены в импорте: полностью исчезла такая керамическая тара, как византийские амфоры (по-видимому, их заменили бочки), но с середины XIV в. стала распространяться парадная восточная поливная посуда²⁵. Получили массовое распространение некоторые виды строительной керамики, известные в домонгольской Руси, но не столь заметные на фоне её цветущей культуры. Это касается в первую очередь плиток для мощения полов, которые использовались как в каменных, так и в деревянных храмах²⁶.

Близкие процессы наблюдаются в ювелирном деле и производстве менее дорогих украшений из сплавов меди и серебра. В XIII—XIV вв. постепенно ушли в прошлое технологически сложные и дорогие эмали византийских типов²⁷, редкими стали трудоёмкие скань и зернь. Но в конце XIV в. на смену им приходят новые виды, выработанные в центральных землях и на Северо-Западе. Они существенно мельче по размеру, их иконография и декор примитивнее, чем раньше, но именно они обеспечивают потребности населения быстро поднимающегося Московского княжества²⁸.

Важным дополнением к исторической картине Руси ордынского периода стала археология монастырей. О том, что они сумели пережить нашествие, наглядно свидетельствуют их кладбища, развивавшиеся без перерыва в XIII—XIV вв.²⁹ Появление новых монастырей фиксируется с известным трудом. В Москве их можно предполагать, поскольку открываются места церковных кладбищ и остатки бытовых построек вблизи них (кладбища у церкви Кузьмы

²⁴ *Осинов Д.О.* Обувь Московской земли XII—XVII вв. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М., 2007.

²⁵ *Коваль В.Ю.* Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X—XIII вв.) // Русь в XIII веке... С. 340—360; *Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси в XIII веке // Русь в XIII веке... С. 361—371.

²⁶ *Сафарова И.А., Беляев Л.А., Хохлов А.Н.* Керамические плитки покрытия полов из раскопок на Соборной площади в Твери (по материалам исследований 2013—2014 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 77—113.

²⁷ *Макарова Т.И.* Облачение митрополита Алексея и ювелиры Москвы XIV в. // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 34—52; *Макарова Т.И.* Древнерусское наследие в ювелирном деле ранней Москвы. XIV век: облачение митрополита Алексея. М., 1998.

²⁸ *Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г.* Цветной металл вятичей в XII—XIII веках (сравнительно-исторический анализ городских и сельских материалов) // Русь в XIII веке... С. 299; *Лесман Ю.М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 29—98.

²⁹ *Беляев Л.А., Глазов В.П., Зыков П.Л., Иоаннисян О.М.* Погребальные сооружения XII—XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997—2000 годов) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М., 2018. С. 62—72.

и Дамиана и вокруг Успенского собора в Московском Кремле, на месте здания Манежа, в Богоявленском за Торгом монастыре), но монастырские некрополи трудно отличить от приходских и соборных. Наследуются от домонгольской Руси и элементы монастырского обряда: кирпичи-подголовники, каменные прямоугольные саркофаги³⁰, типы деревянных гробов (две последние особенности характерны и для приходских кладбищ). С конца XIV в. появились приметы нового: сосуды для ея, надгробные плиты с усложнённым орнаментом, антропоморфные саркофаги³¹.

Археологическое изучение монастырей Москвы дало ряд аргументов для верификации их ранней истории³². Так, на месте Данилова монастыря и его слободы с X—XI вв. существовали селища (культурный слой с фрагментами лепной керамики и печными выбросами). Одни из самых ранних в районе будущего города, они бытовали и в XII—XIII вв., о чём говорят шиферные пряслица, женские украшения, «городищенская» керамика с характерным орнаментом, сделанная на ручном круге³³. О появлении на рубеже XIII—XIV вв. монастыря и сохранении на его месте кладбища свидетельствуют могилы с сосудами для ея (XV—XVI вв.) в зоне, где в XVI в. был построен каменный собор возобновлённого монастыря³⁴.

Ещё более убедительна археологически восстановленная история Богоявленского «за Торгом» монастыря на ближнем посаде Москвы. Здесь фиксируются следы деревянной церкви и кладбища с чрезвычайно архаичными надгробиями; в его погребениях встречены браслеты, стеклянный и трёхпрутный бронзовый. До кладбища здесь существовала жилая застройка (слой с обильной бытовой керамикой, возможно, домонгольской). Деревянный храм сменил каменный, но его археологическая дата (конец XIV — первая четверть XV в.) иная, чем традиционная монастырская (около 1340 г.).

Археологически доказана возможность существования с XIV в. в Остожье Алексеевского монастыря, древнейшего девичьего в Москве (на месте нынешнего Зачатьевского, с 1584 г.). Монастырское селище имело деревянную церковь, а кладбище с первой половины XVI в. быстро расширялось (древнейшее надгробие — конца XIV в.). Открыта и часть деревянной застройки вокруг собора: первая по времени линия келий может восходить к XIV—XV вв.; вто-

---

³⁰ *Беляев Л.А.* Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источник // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2011. Вып. 2(5). С. 72—84; *Беляев Л.А.* Рождение традиции: погребальные памятники Северо-Восточной Руси XII—XV веков в контексте архитектуры // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X международной научной конференции 9—13 сентября 2019 года. М., 2019. С. 27—29.

³¹ *Беляев Л.А.* К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare. Археология и история. Сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке. Смоленск, 2017. С. 119—136; *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996; *Беляев Л.А.* К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV—XVII вв. // КСИА. Вып. 252. М., 2018. С. 219—232; *Беляев Л.А.* Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию академика Н.А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 365—374.

³² *Беляев Л.А.* Монастыри Московской Руси: этапы археологического изучения и современное состояние // КСИА. Т. 256. М., 2019. С. 7—22.

³³ *Беляев Л.А., Кренке Н.А., Шуляев С.Г.* Докремлёвская Москва: новые данные по топографии и керамике Даниловских селищ IX/X — XIV вв. // Российская археология. 2010. № 1. С. 94—103.

³⁴ *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (конец XIII—XV в.) по данным археологии. М., 1994.

рая существовала до 1570-х гг. Концентрация половой плитки и обзоров деревянных стен, а также бытовой керамики и следов погребений XIV—XV вв. указала зону, где стоял деревянный собор³⁵. Раскопки в Высоко-Петровском монастыре, который историографическая традиция возводит к XIV в., позволили говорить о его существовании не позднее второй половины XV в. На месте каменного собора 1510-х гг. открыто более раннее кладбище: часть могил предшествует строительству (одно надгробие XV в. на своём месте и ряд фрагментов того же времени), о стоявшем здесь деревянном храме говорят плитка пола раннего типа и глиняные обзки. Но ранние слои очень бедны, бытовые материалы даже XV в. единичны, и место монастыря на карте Москвы XIV в. нельзя считать твёрдо установленным³⁶. В зоне Чудова монастыря в Кремле, где слой существенно разрушен, только тщательные раскопки позволили изучить часть кладбища, восходящего ко второй половине XIV в.³⁷ Показательны материалы некрополя Вознесенского монастыря, публикуемые в последние годы на основе полученных при его разрушении в 1930-х гг. материалов³⁸. Статусный некрополь XIV в.(?), возникший до появления Спасского собора Андроникова монастыря, открыт на месте его алтаря³⁹. Возможно, к тому же времени восходит часть кладбища, отмеченная на Крутицком подворье.

Интересно, что в ряде случаев, когда историография полагает место и время сложения монастыря установленным (Георгиевский на Дмитровке), даже широкие раскопки не дают оснований для идентификации, создавая проблемы для реконструкции топографии ранней Москвы⁴⁰. Сомнения остаются и по поводу изначального размещения Сретенского и Рождественского монастырей, а незначительные раскопки на периферии их дворов не показали слоёв ранее конца XV — XVI в. Златоустовский⁴¹ и Ивановский⁴² монастыри письменные источники не возводят к XIV в., важно проверить время заселения их участков, но слой здесь существенно нарушен, а серьёзных раскопок пока не проводилось. Нет пока археологических материалов эпохи основания в XIV в. и в Троицком Сергиеве монастыре⁴³. И напротив, в сельской местности выявлены

³⁵ *Беляев Л.А.* Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV—XVI веков // Исторические записки. Т. 18(136). М., 2019. С. 5—58.

³⁶ *Беляев Л.А., Григорян С.Б., Савельев Н.И.* Высоко-Петровский монастырь // Города. Поселения. Некрополи. Раскопки 2016 года (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19). М., 2017. С. 20—26.

³⁷ Археология Московского Кремля. Раскопки 2016—2017 гг. М., 2018.

³⁸ Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы и исследования. В 4 т. М., 2009—2019.

³⁹ К сожалению, за некавалифицированными работами последовала субъективная интерпретация (об этом см.: *Беляев Л.А.* Заметки о фальсификатах в археологии // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 51—66).

⁴⁰ *Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010.

⁴¹ *Беляев Л.А.* Видимое и невидимое. Златоустовский монастырь как объект культурного наследия // Московское наследие. 2018. № 3(57). С. 88—103.

⁴² *Беляев Л.А., Батанина М.С., Глазунова О.Н., Решетова И.К., Савельев Н.И.* Работы в Ивановском монастыре в 2017 году // Города. Селища. Могильники. Раскопки 2017 года. М., 2018. С. 40—45.

⁴³ *Чернов С.З.* Исторический ландшафт окрестностей Троице-Сергиева монастыря и его семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1999 г. М., 2000. С. 655—707; *Чернов С.З., Лебедева Е.Ю.* Покровский в Хотькове монастырь по данным археологических исследований 1978—2008 гг. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 8. М., 2012. С. 175—203.

малые монастыри — Хотьковский Богородичный, Стромьинский⁴⁴. Некоторые ранние монастыри (Савватиева пустынь под Тверью) определяются на основе находки одного-двух погребений.

В последние десятилетия археология смогла заполнить ряд лакун, давно зиявших в истории каменного церковного строительства XIII—XIV вв. Как известно, оно возобновилось на Северо-Востоке не ранее чем через полвека после нашествия, причём ни одного памятника этой эпохи долгое время не было обнаружено. Важнейшим звеном, соединяющим архитектуру Древней Руси с послемонгольской, стал собор Спаса Преображения в Твери. Его заложили в 1285 г. над гробом князя Ярослава Ярославича на месте деревянной церкви Козьмы и Демьяна епископ Симеон, князь Михаил Ярославич и его мать Ксения, освятив его малым, а затем и большим освящением 8 ноября 1290 г., в день тезоименитства Михаила Ярославича⁴⁵. Его остатки раскрыли в 2014—2016 гг., подтвердив, что храм был блококаменным, а фасады украшала резьба, очень близкая Рождественскому собору в Суздале. Он входил в круг храмов с четырьмя столпами и тремя притворами, был среднего размера, что близко церквям в Переславле-Залесском, в Кидекше и во Владимире (собор Св. Дмитрия), но крупнее храмов в Боголюбове и Юрьеве-Польском. Твёрдо установленное участие художников, мастерски владевших приёмами владими́ро-суздальской резьбы по камню, заставляет задуматься о способах передачи этого искусства через более чем полувековой интервал, т.е. о поиске неизвестных нам по летописи сооружений, на которых могла быть обеспечена подготовка учеников. Такой вопрос, конечно, не встаёт при знакомстве с остатками маленького храма Святых Бориса и Глеба на княжеском дворе в Ростове (1287)⁴⁶. Его строительная техника бедна: стены с забутовкой из мелкого булыжника на растворе извести, своды из плит туфообразного известняка.

Археология позволила пересмотреть сведения о первых каменных храмах, построенных князем Иваном Калитой, т.е. переписать первую страницу истории раннего зодчества Москвы в целом⁴⁷. В XIX — первой половине XX в. город XIII—XIV вв. густо «застроили» каменными зданиями: подвалы XVII—XIX вв. «старого» собора Данилова монастыря относили к эпохе князя Даниила; церковь Спасского монастыря в Кремле считали каменной уже в 1319 г.; были уверены в достройке собора Богоявленского за Торгом монастыря тысяцким Протасием в 1339—1340 гг.; допускали каменные храмы XIV в. в Высоко-Петровском монастыре и на Крутицах; открытые в 1970-х гг. под Успенским собором кладки относили к мифической Дмитриевской церкви XIII в. Позже к этим версиям добавились сообщения об открытии в Кремле «огромных» сооружений Калиты.

Начиная с 1980-х гг. эти гипотезы постепенно снимались или сильно корректировались. В 2010-х гг. большинство ассоциировавшихся с древнейшим

---

⁴⁴ Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 123—182.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926 (репринт: М., 2001). Стб. 482—483; Т. VII. СПб., 1856 (репринт: М., 2001). С. 179; Т. X. СПб., 1885 (репринт: М., 1965). С. 166; Т. XV. СПб., 1863 (репринт: М., 1965). Стб. 406; Т. XVIII. СПб., 1913 (репринт: М., 2007). С. 81; *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 331; *Мальгин П.Д.* Ярослав Ярославич и Тверь в летописных известиях // Великое прошлое. Тверь, 1995. С. 46.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. X. С. 167.

⁴⁷ *Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Зодчество Москвы и Твери... С. 159—207.

периодом архитектуры Москвы резных камней удалось датировать более поздним временем или отнести к малым формам. Был снят вопрос о каменном Дмитриевском храме, якобы построенном в Кремле в домонгольскую эпоху, а основания столбов, открытые в Успенском соборе, интерпретировали как фундаменты каменного храма, заложенного 4 августа 1326 г. и освящённого 14 августа 1327 г.⁴⁸ Его план был, видимо, близок Георгиевскому собору в Юрьеве-Польском и Спасскому собору в Твери. Изменились представления о небольшой церкви Иоанна Лествичника (1329). На основе материалов старых раскопок П.П. Покрышкина (1913) её план был включён в восточно-христианскую традицию⁴⁹, а затем уточнён по детальному сходству с планом дворцовой капеллы на Мангупе в Крыму (её датируют второй половиной — концом XIV в.)⁵⁰. Анализ скудных данных по археологии первого Архангельского собора (1333) доказал, что и он, как все постройки Ивана Калиты, не был крупным⁵¹.

Об остальных постройках в Москве до конца XIV в. археологических сведений пока нет. В то же время постепенно проясняется картина развития малых архитектурных форм. Фиксируется быстрый отход от сооружения аркосолиев, служивших главными элементами оформления погребений внутри храмов. Столь же быстро развивается новая форма памятника — надгробная плита-надгробница, возникающая сперва как орнаментированная крышка прямоугольного саркофага. В ближайшем будущем она, наряду с развивающимся с конца XIV в. антропоморфным саркофагом, стала основой формирования поминальных комплексов внутри храмов и на открытых кладбищах Московского княжества.

В целом можно утверждать, что материальную культуру в период от монгольского нашествия до Куликовской битвы отличало сохранение части домонгольских технологических традиций и «моды» при постепенном отказе от них и формировании новой, собственно московской культурной модели.

---

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922 (репринт: М., 1965). Стб. 44; Т. XVIII. С. 89.

⁴⁹ *Кавельмахер В.В., Панова Т.Д.* Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского Кремля // *Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв.*

⁵⁰ *Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю.* Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV—XVII вв.). М.; СПб., 2017. С. 43 (ил. 1 и 8).

⁵¹ *Мосунов Ю.П.* Храм Архангела Михаила 1333 года в Московском Кремле // *Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники.* М., 2009. С. 115—117.